

Уильям Шекспир

**Жизнь
и смерть Гая
Юлия Цезаря**

Перевод Константина
Петрова

Уильям Шекспир
Жизнь и смерть
Гая Юлия Цезаря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35500499

ISBN 978-5-0051-7718-6

Аннотация

Вот раньше были строки,
Которые читались сложно,
Теперь настали времена,
Когда читаешь без труда

Во многочисленных переводах принялся свободный стиль перевода, ритмически иногда не соблюдающий стихотворный замысел автора. Теперь же, с этой публикацией существует ритм стихотворный. Стихотворение заиграло красками. Вчитайтесь!

Содержание

Жизнь и смерть Гай Юлий Цезаря	5
Уильям Шекспир	5
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	6
АКТ 1. (Действие первое.)	9
СЦЕНА 1. Рим. На улице	9
СЦЕНА 2. Общая для граждан площадь	16
СЦЕНА 3. Всё также. Улица	43
Акт Второй	55
Сцена 1. Рим. Фруктовый сад у Брута	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Жизнь и смерть Гая Юлия Цезаря

Уильям Шекспир

Переводчик Константин Петров

© Уильям Шекспир, 2020

© Константин Петров, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-7718-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь и смерть Гай Юлий Цезаря

Уильям Шекспир

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гай Юлий Цезарь (12 июля 100 года до н. э. – 15 марта 44 года до н. э.) – писатель, военачальник, политический деятель, полководец, который, добившись полной победы над противниками, сконцентрировал в своих руках власть консула, придерживался политики милосердия, при жизни началось «обожествление» – звание «император» стало частью имени.

Октавий Цезарь – внучатый племянник Цезаря, политический деятель, триумvir после смерти Цезаря, впоследствии основатель Римской империи.

Марк Антоний (14 января 83 года до н. э. – 01 августа 30 год до н. э.) – один из ближайших соратников Юлия Цезаря, политик и военачальник, трижды консул, триумvir после смерти Цезаря.

Марк Эмилий Лепид – военачальник и политический деятель, принадлежавший к исконно-римскому роду, державшим в своих руках общественные земли. Триумvir после смерти Цезаря.

Марк Туллий Цицерон – политический деятель, оратор и величайший философ римского мира, сторонник сохранения республиканского строя.

Публий – сенатор.

Попилий Лена – сенатор.

участники заговора против Юлия Цезаря

Марк Юний Брут (зима 85 года до н. э. – 23 октября 42 до н. э.)

Гай Кассий Лонгин (86 год до н. э. – 03 октября 42 года до н. э.)

Каска

Требоний

Лигарий

Деций Брут

Метелл Цимбер

Цинна

Флавий – трибун.

Марулл – трибун.

Артемидор Книдский, учитель красноречия.

Прорицатель.

Цинна-поэт.

Другой поэт.

Люцилий | – сторонник Брута и Кассия.

Титиний, Мессала – сторонники Брута и Кассия.

Молодой Катон { 1 } – сторонник Брута и Кассия.

Волумнис – слуга Брута.

Варрон – слуга Брута.

Клитс | – слуга Брута.

Клавдий – слуга Брута.

Стратон – слуга Брута.

Луций – слуга Брута.

Дарданис – слуга Брута.†

Пиндар – слуга Кассия.

Кальпурния – жена Цезаря.

Порция – жена Брута.

Кай Лигарий

Сенаторы, горожане, воины, слуги и прочие.

Место действия: Рим; окрестности Сард; окрестности Филипп.

АКТ 1. (Действие первое.)

СЦЕНА 1. Рим. На улице

Флавий и Марулл, и лиц гражданских гул

ФЛАВИЙ

Хей, прочь! Домой, вы – праздные создания,
А, ну-ка! Живо расходитесь по своим домам:
Что, выходной? Вы что, не знаете,
Вам механически и просто так гулять нельзя,
Ведь день труда, а вы без знаков ремесла,
Вот ваша, а, профессия, скажите, какова?
Ну, говорите, чем вы промышляете,
Каких ремесел мастера?

Первый простолюдин

Да, что вы, сир, я мастер по распилу дерева́.

МАРУЛЛ

И где же роба у тебя и для работы рукава́,
И где ж твои правила, для ровного распила?
И что же лучшее тебя надеть-то побудило?
А ты, сир, представляешь тут какие ремесла?

Второй простолюдин

По правде говоря, сир, я уважаемый работник,
Ну, как бы вам сказать, я мастер, по худому, кожник.

МАРУЛЛ

Но это что за ремесло ещё твоё – художник?
Мне отвечай-ка прямо, односложно!

Второй простолюдин

Тут дело в том, сир, что я, как полагаю, помогаю,
Я стоптанное с пользой сохраняю;

Которое, уж если прямо, сир, сказать вам и решиться
всё ж,

Служу залогом я плохих подошв.

МАРУЛЛ

Твоей профессии какое назначение?

Ты плут и вызываешь подозренья.

Что за профессия твоя?

Второй простолюдин

Нет, умоляю вас я, господа,

Сир, не оставляйте вы меня:

И всё же, сир, коль будете вы здесь стоять,

То я не в силах буду вас и подлатать.

МАРУЛЛ

Ты что хотел этим сказать?
Наглец, меня собрался исправлять!

Второй простолюдин

Затем, сир, залатать лишь вашу обувь.

ФЛАВИЙ

Твоё сапожное искусство, ты искусный олух!

Второй простолюдин

Ну, точно, сир, всё, чем я и живу,
обязан шилу своему:

Я ж не мастак торговых дел,
по женщинам я неумел.

Но с шилом я действительно хирург

Для старых бугс;

Когда их от большой беды и надобно спасти,

То я восстановить берусь.

Я, как настоящий рядовой,
веду строкой,

ввожу их в строй.

Изящные изделия, выделки из натуральной кожи

Выходят из-под рук моих работой авторской рогожей.

ФЛАВИЙ

Так отчего не занят ремеслом сейчас?

Зачем ты в лидерах тут этих уличных людских масс?

Второй простолюдин

По правде, сир, иду к изношенным туфлям,

А вид их самый уж неважный —

Так приведёт меня к большим трудам.

Но, мы, конечно, веселиться шли на праздник.

Увидеть Цезаря и триумфальный пир.

МАРУЛЛ

Резон-то в чём?

Из завоёванного что возьмёшь ты в свой домашний мир?

Да и какая дань последует с тобой в великий Рим,

Молить — долги скостить,

иль рабскими костями по колеснице бить?

Как вы глупы, вы камни-истуканы,

вы хуже нищих самых!

О, ваши души черствы,

грубее римлян вы,

А помните ли вы, иль нет, Помпея?

Как много времени вы часто, ротозей,

Взбирались по стенам, сидели на зубцах,

На башнях, в окнах да с малы́ми на руках,

И долго время так вы проводили.

И там, на дымоход усевшись тихо, истомились,
День светлой жизни проведя,
Как участи своей ждёт пациент у врача,
Увидеть так желали вы великого Помпея,
Дороги Рима рассекающего молнии быстрее:
И только показалась колесница, без воззвания,
Разве не вырвался у вас всеобщий крик ликования,
Что Тибра уж дрожали берега,
Вторя вибрациям, ещё сильней кричали ваши там уста
И эхом отражались от обрывов?
И в лучшие зачем сегодня нарядились?
Что вы теперь зовёте словом «праздник»?
И стелите кому вы путь цветами разными —
Тому, кто празднует триумф в крови Помпея?
Это грехопаденье, затмение!
Домой вернитесь поскорее и стойте на коленях,
Молите у богов вернуть вам дух прощенья,
Чтоб свет сошёл на ваше умопомрачение.

ФЛАВИЙ

Ступайте, уходите, всем добра,
Эй, жители села, ошибки ваши унесите со двора,
И всем таким же бедным людям объявите,
И Тибра берега вы цепью окружите, слезами напоите,
Чтобы канал, бегущий вниз потоком,
Водою целовал холмы высоко.

Все престолюдины уходят.

Смотрите, как остыл пыл основных масс

И, застывая как металл, двигаться другим не даст.

И их косноязычие сойдёт к нулю,

Когда я красноречьем докажу им их вину.

Уходим,

Лежит ваш путь на Капитолий;

А этим же путём пойду и я,

Разоблачать их буду И-ДО-ЛА,

Иль всех вы их найдёте

Как украшение церемонии?

МАРУЛЛ

Нам, может, завершить начало?

Вы знаете, что это праздник Луперкала.

ФЛАВИЙ

Это неважно, репутация б не пострадала,

Чтоб Цезаря трофеем не висеть, я позабочусь лично

И буду гнать престолюдинов, как нам уже привычно.

И также вас я попрошу, аналогично,

Так делать в будущем всегда,

Где вам их встретится толпа.

Зачатки ошипав растущего пера

у Цезаря крыла,

Чтоб стал обычным у него полёт и высота,

Как только «задерёт нос» над людьми он выше,
То раболепным страхом мы задышим.

Уходят.

СЦЕНА 2. Общая для граждан площадь

Ликование. Входят Цезарь и Антоний (одетый к забегу и ремнём из кожи), по порядку; Кальпурния, ПОРЦИЯ, Деций Брут, Цицерон, Брут, Кассий и Каска, последователей великая толпа, среди них предсказатель

ЦЕЗАРЬ

Кальпурния!

КАСКА

Всем, тихо! Цезарь говорит.

ЦЕЗАРЬ

Кальпурния!

КАЛЬПУРНИЯ

Я здесь, мой господин!

ЦЕЗАРЬ

Должна встать прямо, на Антония пути,
Когда бегом он должен круг пройти.
Антоний!

АНТОНИЙ

Да, Цезарь, мой господин!

ЦЕЗАРЬ

Ты не забудь, на всём ходу, Антоний,
Кальпурнии коснуться должен ты в погоне;
А то предсказывали наши мудрецы:
Бесплодие, святой погоней можно извести,
Стерильное проклятие их нам нужно вы-тря-сти.

АНТОНИЙ

Я буду помнить:
Если Цезарь повелел: «Свершить», —
То так тому и быть.

ЦЕЗАРЬ

Моим велением,
И никаких от церемоний отступлений.

Звучит прославляющий туш

Прорицатель

Цезарь!

ЦЕЗАРЬ

О! Кто смел меня позвать!

КАСКА

Прошу всем звукам замолчать: – и тишиною мир объять!

ЦЕЗАРЬ

Кто здесь ещё так притеснён, что возглас у него ко мне обращён?

Я слышал звуки языка, того, что был пронзительней, чем вся му-зы-ка.

Он плачем «Цезарь» стал вдруг окликать;

Цезарь по-вер-нул-ся... и готов внимать.

Прорицатель

Страшитесь середины иды марта!

ЦЕЗАРЬ

Кто знает этого вот брата?

БРУТ

А, это прорицатель, с вами говорит,

Чтоб марта береглись вы средин.

ЦЕЗАРЬ

Предстаньте пред моим лицом,

И дайте разглядеть его мне целиком.

КАССИЙ

Эй, гражданин, эй, выйти из толпы,
Глаза на Цезаря немедля подними!

ЦЕЗАРЬ

Ну, что хотел, теперь ты мне скажи!
Какая, повтори, была последней фраза?

Прорицатель

Поберегитесь середины, иды марта!

ЦЕЗАРЬ

Ну, он неисправимый фантазёр;
Давайте мы оставим его здесь: уйдём.

*Военный совет, вышли все, за исключением КАССИЯ
и БРУТА, остались тут на минуту*

КАССИЙ

А вы пойдёте лицезреть, как происходит бег?

БРУТ

Я, нет!

КАССИЙ

Я, умоляю, вас, прошу!

БРУТ

Я не играю в ту игру:
Испытываю недостаток я отчасти
Где быстрота, там для Антония светит счастье.
Позвольте, Кассий, не мешая вашим планам,
Я покидаю вас, уйду, пожалуй.

КАССИЙ

Брут, я наблюдал за вами долго:
Ко мне не сходят с ваших глаз мягкие волны,
И эта демонстрация любви, – не та, что я хотел бы обрести:

Вы так жесткий – и слишком странны при подаче мне руки.
И так нельзя, с друзьями, – с теми, кто так дружен с вами.

БРУТ

Кассий,
Ваш труд напрасный:
Я сам себе не рад
Когда я прячу взгляд
Я развернул в себя беду,
Присущую лицу лишь своему, и одному. Досаду
лишь мою,
Последствие страстей, метаний личных, и различных,

Концепций, только мне лишь симпатичных,
Которые даруют почву горести даже моим славным друзьям,

Среди них, Кассий, первым быть, конечно, вам.
Не создавай любых, в дальнейшем предубеждений,
Ты из моих пренебрежений,
Когда вот этот бедный Брут, он сам с собой в сражении,
И позабыл к другим мужьям являть любовь и уважение.

КАССИЙ

Тогда я, Брут, в огромном заблуждении о твоих страстях,
Которые грудь мою наполовину превратили в прах;
Великим смыслом ли полна, о лучшей жизни ли мечта,
Скажи мне, славный Брут, какое отражение твоего лица?

БРУТ

Нет, Кассий, порой глаза
Не видят сами и себя,
Но, подчинённые рефлексу
Или другому средству.

КАССИЙ

Так не должно быть тут:
Кругом и так много печали, Брут,
Как жаль,
Что нет у вас таких зеркал

Где ваша же цена была видна вашим глазам,
А так она оттенена. Я слышал сам,
И знаю я места, где уважаемые Римом,
Лишь исключая Цезаря неуязвимого,
Так говорят: О, Брут, —
И, проклиная иго, время ждут,
Желая, чтобы благородный Брут
Глазами их взглянул вокруг.

БРУТ

С какой же это, Кассий, стати,
Меня вождём ты их назначил,
И что же ты хотел, чтоб я в себе нашёл,
И почему же сам к ним без меня ты не пошёл?

КАССИЙ

Будь добр, поэтому послушай, Брут:
И раз, не разглядишь себя здесь, тут,
То отражение лучшее к тебе приставлю я – твоё зеркало,
И скромно повторю тебя, точно лекало,
Того увидишь ты в себе,
Кого не открывали прежде.
И ревностно так обо мне
Ты не суди, Брут нежный:
Будь я простой насмешник,
Или других использовал небрежно,

То в клятвах примитивных проявлялась б нежность,
То после, вновь появившихся протестов,
Я пред людьми, виляя бы хвостом,
И, крепко обнимая, с ними бы интриги плёл.
То это бы притворство проявилось на пирах,
И гнал бы от меня всех, и подальше, лютый страх.

Цветы бросают и всеобщий вой

БРУТ

Что означают этот крик и вой,
Я полагаю, что людской толпой
Не признают уж Цезаря своим царём.

КАССИЙ

Ой, и что же страшного такого в том?
Когда должно, я думал, что вы полагали,
Другого вы финала и не ждали.

БРУТ

Я, Кассий, не такого толка;
Ещё любви к нему хорошей много.
Но почему ты держишь меня долго?
Сказать хотел что важного такого?
И если это пустословие
Всё о всеобщем благе,

Я честный глаз твой здесь уважу,
Но смерть в другом прибавлю,
И так смотреть буду вам в оба безразлично,
На суд богов отправлю быстро, лично,
Так, как честь моя – любовь и страсть,
И больше значит, чем боюсь я смертью пасть.

КАССИЙ

Я знаю, добродетели живут в вас, Брут,
Настолько хороши, какой я вижу вашу суть.
Да, честь – это предмет моих исканий.
Не говорю о вас, о мужественных самых,
Что думы ваши лишь о жизни личной,
но для меня что показалось – неприлично
Иметь такую жизнь, какой сейчас живу
И восхищаться лишь ему самому.
Свободным появился я на свет, как Цезарь сам,
Как было предназначено и вам:
Мы оба обеспечены, вельможи,
Любую стужу выдержать мы можем,
Такую силу он не победил, быть может:
Но как-то раз день задался такой же, как сейчас:
И слякотный, и штормовой,
А бурный Тибр расшвирил волной,
И Цезарь так любезно обращался ведь со мной:
«О, Кассий, друг ты мой,

Ты прыгай за мной,
В бурный поток, сейчас,
Летящих, скачущих тех водных масс,
И доплыви
Во-о-он до той земли».

Сказал – так слово ты держи,
И я, как он, туда, в поток,
Им увлечен, и тоже совершил прыжок.
Поток рычал
И нас швырял,
И с мощной силой
Нас по кругу разносило,
Противились мы этому со всей ответной силой;
Но только проплываем мы намеченного пункта мимо,
Тут Цезарь взвыл: «Ой, помоги мне, Кассий, или сгину!»
И я, как Эней, великий прародитель наш,
Из пламенеющей из Трои на плече своём отца он спас,
И старого Анхиза вынес, как медведя, из воды Тибра.
И был я, точно Цезарь, неустрашимым.
А этот человек теперь – бог, неколебимый,
Оставил Кассия уныною
И должен гнуть теперь пред ним я спину,
Когда вдруг Цезарь нехотя кивнул
Иль на кого взглянул.
Его трясло ещё тогда, и лихорадкой адской,
Когда он был в земле испанской,

И вот когда на нас там наступали те враги,
Его трясло так от войны:
И это правда – бог весь трясся от натуги,
Пищали мухой разноцветной его тонюсенькие губы,
А на глазах, в бровях изгибом, от коих трепетали и всем
миром,

Блеск пропал:

И слышал его «ах», как он стонал —

Тот, кто на все языках приказывал из Рима

И речью отмечал себя, его записывали в книгах,

Что наконец он вскрикнул от усилий:

«Ну, дайте что-нибудь мне выпить, ну, Титиний».

Как мелкая девчонка.

О, боги, и что же удивило,

Как, слабохарактерный мужчина,

Имеет право управлять он всемогущим миром

И пальмовую ветвь держать, и почему

только дано ему?

Трубят фанфары и процветать кричат.

БРУТ

И снова слышится всеобщий шум и гам!

Теперь я верю, аплодисменты там,

На ту часть новых почестей, что так желал,

Уже, похоже, Цезарь наш себе забрал.

КАССИЙ

Ну почему же сей мужчина перешагнул ограничения мира,
ра,

Восстал, как недоступный Колосс, – а мы, как мелюзга,
что и не слышен голос,

Гуляем между ног, заглядывая в рот.

Чтоб обрести потом могильный холм.

Мужи в былые времена в своих угожьях были сами господа:
да:

Эти просчёты, дорогой Брут, совсем не наш подзвёздный
путь,

Но в собственном расчёте – мы что, из мелкой сотни.

Брут и Цезарь: и что в том Цезарь должен.

И почему не ваше имя громче?

Вы слитно напишите их сейчас,

И будет вашему величие тотчас.

Его произнесите вслух устами,

Измерьте его тяжесть; и оно, как заклинанье,

Дух Брута станет, точно Цезарь, смелым.

Отныне имя всех богов в одном целом,

Поднимет так, как мясо Цезарю несут на прокорм,

И он возрос вот на чём,

и так велик ли трон?

А с возрастом и ты покроешься стыдом!

О, Рим, твои теряются потомков благородные кровинки!

Когда наступят времена, то все одним потоком сгинут,

Но что спасительного дела будет знаменитей?
Когда толкуются слова свободы в Риме,
Что толстая стена
Лишь одного спасать должна?
Теперь создали столь обширный Рим,
Внутри в нём помещается, но лишь человек один.
О, ты и я имеем сердце,
Которому наши отцы даруют средства,
Однажды будет Брут,
Что нравом станет крут.
Очертит дьявола и сохранит Рим
Так же легко, как царь-господин.

БРУТ

За что такое обожание, я ж не ревнивое создание;
На что толкаешь ты меня, ведь у меня есть и своя же го-
лова:

Когда я вспоминаю те времена,
Но не сейчас же обсуждаем мы меня;
а что сказать о настоящем,
То я совсем уж не навязчив,
и так с любовью обращаюсь с вами,
Чтоб нам остаться в будущем друзьями.
По теме ваших рассуждений:
Учту и разберу, в чём тут недоразуменье,
И с больш́им, тем не менее, терпением

Для разговора выберу для вас я время.

Для обоюдной встречи – и отвечу, – я о таких высоких речах.

Теперь, мой благородный друг, всё это проглотите:

Брут предпочтёт в деревню удалиться вдруг,

Чтоб оставаться мне, как сыну, преданным Риму,

На тех условиях, как и в этот раз,

Это, похоже, ляжет тяжким бременем на вас.

КАССИЙ

Я рад, что слабые мои слова и звуки

Как кремний, высекают вдруг огонь из Брута,

Но много слишком искр, летящего огня и спурта.

БРУТ

Игра завершена! И Цезарь скоро будет тут уж.

а, может быть, с минуты на минуту.

КАССИЙ

Когда сюда войдут,

– одёрни Каску ты за полу рукава;

И расцветёт он модною гримасой – и расскажет для тебя

Что интересного произошло тогда

И было что на протяжении дня.

Вернулся Цезарь и его свиты черед

БРУТ

Я так и сделаю. Но, посмотри, Кассий,
От гнева пятна покрывают Цезаря чело,
И свита вся, оставшая, так выглядят несчастно:
Кальпурнии щека бледна; и Цицерон
Глядит, как будто сыщик, точно бы хорьком,
И, как глаза наполнены огнём,
Таким его мы наблюдали в Капитолии,
И с кучкою сенаторов в риторике,
На перекрёстном заседании на одном.

КАССИЙ

А Каска должен нам сказать о том,
Что произошло потом.

ЦЕЗАРЬ

Антоний!

АНТОНИЙ

Цезарь?

ЦЕЗАРЬ

Мне в окружении нужны мужи, которые толсты;
И чтобы головы у них были лысы,
И по ночам смотрели сны;
А, этот, Кассий, – худощав и голодно глядящий;

Он много размышляет, и с опасностью смотрящий.

АНТОНИЙ

Не бойся его Цезарь; он же не опасный;
Он честный римлянин и нам подвластный.

ЦЕЗАРЬ

Будь он потолще! Хоть не боюсь его я мощи:
И если моё имя на кого наводит страх,
Того не подпускаю близко, превращаю в прах,
Похоже, скоро этим лишним будет Кассий.
Много читающий;
Он главный и смотрящий – и он глядит, как судит,
И только по делам людей: но он не любит
Игры без затей;
Как думаешь, Антоний; нет у него к музыке страстей,
Он не улыбочив, ну а если засмеётся,
То шутка та презреньем духа твоего с издёвкой обернётся.
Так улыбаться можно хоть чему,
Такие люди не позволят вольно биться сердцу твоему,
Их волны созерцания больше, чем они,
Поэтому они особенно опасности сродни,
Быстрее, поближе ты ко мне уж подойди,
тебе скажу,
Что опасаюсь и чего боюсь.
И потому что Цезарь я,

всегда им остаюсь.

Стой от меня по правую ты руку,
а то на это ухо слышу туго,
Да расскажи, как другу,
О нём что ты подумал.

*Церемониал. Проходят Цезарь и почитателей весь свет
(а дальше поезд из карет),
но только Каска, беспокоясь, ждёт ответ.*

КАСКА

Ты потянул меня за тогу;
Зовёшь поговорить меня немного?

Брут

Ай, так, скажи, нам, добрый Каска, —
И отчего же Цезарь так не ласков,
Что Цезарь смотрит так тревожно?

Каска

Ну, почему, ты же был с ним тоже,
А без тебя, ведь, невозможно?

Брут

Тогда я, Каска, задавать вопросов и не должен.

КАСКА

Ну почему, ведь там его короновали
И быть с короной предлагали,
Но он отринул её тыльной стороной руки,
Конфуз; и тут же выкрики людские начались.

БРУТ

Из-за чего шум был второй?

КАСКА

Как, почему же? Да потому же и другой.

КАССИЙ

Они там трижды прокричали:
А что те возгласы, в конце, там означали?

КАСКА

Как, почему же, всё от того же тона.

БРУТ

Ему, что, трижды предлагалась та корона?

КАСКА

Ай, коронованье не случилось —
Он отстранялся трижды,
И всякий раз всё деликатнее,
чем предлагалось ему ранее,

И с каждым новым предложением,
по-моему, сильнее кричалось, откровенней,
И это ближним окружением.

КАССИЙ

Так кто ему поднёс корону?

КАСКА

Как кто, Антоний!

БРУТ

Любезный Каска, расскажи нам подробней.

КАСКА

Я чувствую, как мне висеть,
Коль если мнение своё иметь:
И это глупость, просто недоразумение;
Ну, я и не заметил затруднение.
Как Марк Антоний предлагал ему корону,
Но он ни разу не был коронован,
Сказал один из предлагавших, и я же предлагал,
А он и не единожды всё это прерывал:
Но всё ж при том, я думал, он её наденет.
Затем он снова пододвинул – снова отодвинул;
но, по моему же мнению,
Отдёрнул пальцы с нехотением.

А вот когда пришло уж время
И третий предлагалось раз ему;
Её он трижды оттолкнул, и потому:
И чувствовалось тогда ему одному,
Что этому отказу
Там и толпа гудит, и аплодирует вся сразу.
И хлопают, и отбивают руки,
и колпаки в поту бросают люди.
Произвело такой вот дух зловонный,
Что Цезарь отвечал отказом и короне,
И от вонючего дыхания, и от запаха, и газа —
У Цезаря ослаб тут разум,
ведь Цезарю достались лишь страданья
Вот от такого коронованья,
Что Цезарь задыхался от зловонья;
И был он запахом тем очень недоволен,
При этом он сознание потерял
И в обморок упал.
Пришлось всем удаляться —
К моей чести, я не смеялся,
От страха было не разжать мне губы,
А то бы спёртый воздух я вдохнул бы.

КАССИЙ

Но, мягко, и молю тебя я сам,
Скажи ты нам:

Что, Цезарь прям так и упал?

КАСКА

На площади базарной он упал,
И пену рот его там источал, и он безмолвствовал.

БРУТ

И это вероятно: у него болезнь – припадки.

КАССИЙ

Нет, у Цезаря, навряд ли;
Но что касается тебя, меня, и к чести Каски —
Падучая болезнь для нас к несчастью.

КАСКА

Я не пойму, что вы сказать хотели;
Но я в паденье Цезаря уверен,
Как только там посмели
Людишкам грязным рукоплескать,
Свистеть, как им угодно, недовольство выражать,
Присутствовать им разрешили в театре одного актёра,
Не понимаю, честно, мужика простого.

БРУТ

А что сказал он, когда сам пришёл в себя?

КАСКА

А к счастью, перед тем, как он упал,
Тогда ещё всё сам воспринимал.
Всеобщее то стадо
было радо
отказу его быть царём,
А он
Кинжал мой вырвал, и заточенным концом,
да с двух сторон,
Он предложил им перерезать ему горло вон.
И если был я человек других сословий,
И если бы не выполнил его условий,
То я б в аду, уже средь жуликов пропал.
А так – он сам упал.
Когда пришёл в себя опять, то сам и встал,
И если бы он сделал или что сказал —
Любая вещь дурною стала,
Сторонников лишь слабость занимала.
А три или четыре женщины подле меня
Заплакали: «Как хороша его душа!» —
И за него всем сердцем стали,
Но Цезарь своего не обратил вниманья;
И если Цезарь взглядом одарил бы этих матерей,
Они пролили на него не меньший бы елей.

БРУТ

И после этого вернулся он печали злей?

КАСКА

Эгей.

КАССИЙ

А Цицерон хоть что-то говорил?

КАСКА

Да, он по-гречески твердил.

КАССИЙ

Какой эффект он тем достиг?

КАСКА

Не знаю, но я так скажу,

Не мог прочесть я по его лицу:

Но тот, кто речь его постиг,

Встречал чуть видимой улыбкой,

Но я-то в греческом не шибко,

Другие же качали головой;

Могу обрадовать вас новостью другой,

За натяжение ремней от панциря у Цезаря

Марулл и Флавий ведали.

И от расспросов убегают.

Увидеть вас очень желают.

И быть большим мне дураком,
Уж если я запомнил всё.

КАССИЙ

Со мною, Каска, вечерком
Пужинать ты не желаешь?

КАСКА

Нет, обещал другим вперёд, ты знаешь.

КАССИЙ

Так завтра пообедаешь со мной?

КАСКА

Ах, если буду я живой,
Ну, если буду в добром здравии
И разум сохраню я свой,
Обед твой стоит поддержать едой.

КАССИЙ

Ну хорошо: вас ожидаю завтра, Каска.

КАСКА

Да будет так. До встречи, Кассий.

Все удалились восвояси.

БРУТ

Как с возрастом он превратился в дурака!
И ум его быстрее был у школяра.

КАССИЙ

Так он сейчас при исполнении,
Готов к любым достойным, смелым поручениям.
Вникает, правда, всех поздней во все затеи,
И хамство, грубость – это соус и приправа поострее
Для остроумного его ума,
Как сок желудочный, чтоб переваривать слова,
А человеку это аппетита поважнее.

БРУТ

И если это так, то я тебя оставлю:
А завтра говорить с тобой стану,
Наведаюсь к вам в дом, и если захотите,
То сами вы ко мне домой уж приходите.

КАССИЙ

Я так и сделаю – приду:
А до того – о мире о вселенском думаю.

Уходит БРУТ.

Как хорошо, Брут, ты – великодушный;

И, как я погляжу:

Металл твой благородный, а послушный.

Возможно, что при встрече я тебя и проведу.

Ты высших, благородных устремлений —

И что? Ты думаешь, я не найду и для тебя своеобразных соблазнений?

Для Цезаря медвежья то услуга;

Ведь он, так доверяя, любит Брута:

Вот если б Брут всё сделал за меня, то он и виноват — не Кассий,

Над ним я подшучу, а разыграю роль-то я прекрасно.

Вот этой ночью страшной,

Как если бы из нескольких бы рук

К нему бы залетели письма через окна внутрь,

И будут они все от разных слуг,

Да, с описанием всеобщей склонности о величайшем мнении,

Что в Риме его, Брута, уже возносят общим волеизъявлением;

Вот только что не явным выражением,

Чтоб сам он устремления обратил на Цезаря престол,

И после этого чтоб ощутил себя царём;

Поэтому должны известьем этим потрясти,

Или настанут для меня ещё похуже дни.

И все ушли.

СЦЕНА 3. Всё также. Улица

*Молния сверкнула и гром. Идут с разных сторон,
КАСКА – с обнажённым мечом, и ЦИЦЕРОН.*

ЦИЦЕРОН

И всё же, добрый вечер, Каска!
Зачем ты к Цезарю идёшь домой?
И что так сильно запыхался, будь так ласков?
Скажи, и отчего же возбуждённый ты такой?

КАСКА

А что же ты стоишь и не бежишь,
Когда дрожит и всё качается землёй,
Как будто вещи не тверды?
Ты объясни? О, Цицерон,
Я побывал у бури в эпицентре, —
Меня трепали злые ветры,
Трещали на дубах и сучья, ветви,
И было это всё заметно,
Я видел бушевавший океан —
Как дыбился взбешённой пеной,
Грозил он облакам, вселенной:
Но так никто – до ночи, до сих пор,
И не прошёл сквозь злой
огня бушующего строй.

Тут либо есть борьба богов между собой,
Иль мир дерзит уж слишком небесам,
Проклятья насылает, призывая к божествам,
Сулит одним лишь разрушеньем.

ЦИЦЕРОН

Так отчего глядишь на это всё
С большим ты восхищением?

КАСКА

Простым рабом, вы знаете о нём – со всех сторон,
Он левою поднятой рукой сдержал и пламень, и огонь,
Как двадцать факелов в одном, —
Но та рука от страшного огня не защищала.

Кроме того – и не от смеха – поднял меч я,
Напротив Капитолийского холма

Я

Повстречал вдруг льва,
Который, зыря глаза на меня,
так и ушёл сердито,

Не раздражая сильно: и тут возникли, будто бы начертан-
ные, лица,

Больше ста

Там у куста ужасно жутких женщин, тучных,
Что в страхе изменились лица;
они, от клятвы мучась, всё твердили

О том, что видели мужчин,
Которые носились
вверх-вниз с огнём вдоль улиц.
И ночью, вчера,
Вдруг прилетела и уселась птица у огня,
И даже в полдень покидать она там площадь не стреми-
лась.

Свистела и шумела. Когда такие чудеса
Встречаются так сообща,
То людям невозможно ведь не дать сказать:
«На то ведь есть причины – и они натуральной силы».
И ибо верю я, что эти вещи
Для мненья общества зловещи
Ведь потому, что они вещие.

ЦИЦЕРОН

Да, они преднамеренны.
И появление по времени их преждевременно.
Но люди могут толковать их по своему разумению.
Опередим их намерения.
Избавимся от этих фактов,
Узнать бы на Капитолии, уж придёт ли Цезарь завтра?

КАСКА

Он будет; и на Антония сделал ставку,
И слово дал ему – что право защитит своё там, завтра.

ЦИЦЕРОН

Тогда вам доброй ночи, Каска:
Под этим небом страстным
Гулять нам с вами не резон.

КАСКА

Удачи вам в пути, до завтра, Цицерон.

*И ЦИЦЕРОН ушёл.
Тут входит Кассий.*

КАССИЙ

И кто же здесь себя явил?

КАСКА

Я, римлянин.

КАССИЙ

Ах, Каска,
Я всюду возглас уж узнаю твой.

КАСКА

Твой слух прекрасный. Кассий,
Что ж ты гуляешь ночью-то такой!

КАССИЙ

Мужчинам настоящим
Полезен воздух ночи грозовой.

КАСКА

Кто ж объяснит посланье бури неземной?

КАССИЙ

Тот, кто узнал, познается с землёй,
И это от ошибки роковой.
Своей я участи служу,
Когда вдоль улиц я брожу,
Сопровождают и меня эти опасности в ночи,
И так же слаб я, Каска, как и ты,
Сердце открытое подставил под раскаты грома;
И вот, когда сиянием замерцало снова,
Разверзлись небеса, и ощутил тут я себя,
Точно мишень небесного прицела,
И этой вспышке был я отданный всецело.

КАСКА

Зачем так сильно искушать вам небеса?
Когда же участь у людей – бояться и дрожать, быть слабым,
Ведь боги удивляют нас, творя большие чудеса,
И сами ужас представляют самый-самый.

КАССИЙ

Вы глупый, Каска, – это жизни искры
Затем, чтоб римляне ожили, а их мечты не скисли,
Но как использовать их – сами и не догадались.
Вы побледнели и взволнованным казались,
И вверглись в страх и изумление,
Когда на небе видели вы странное знамение:
Но если знать хотите истинное мнение:
Зачем огни все эти, и к чему мерцающие тени,
Зачем тут птицы, звери из всякого здесь рода, племени,
И почему здесь старики-дураки, и дети-простаки,
И почему все эти вещи поменяли вдруг значенье вещее,
И форма их, натура – это новая культура
Чудовищной силы? Затем, чтоб вы могли понять,
Что небеса так могут предсказать,
Каким же инструментом страха и предупреждения
Чудовищного настроения.
Возможно, Каска, здесь я имя назову мужчины,
Виновного во всех ночных кручинах:
И гром, и молнии, раскрытые гробницы, ветра рёв
Вершились, когда лев обрёл на Капитолии свой кров,
И нет могущества в том человеке более того,
Чем обладает тело и твоё, или моё,
И в личных мыслях, – ввысь невероятно он возрос.
И страшен, как природных этих извержений вброс.

КАСКА

По-твоему, всё это Цезарь; или нет, а, Кассий?

КАССИЙ

Да будет так, как есть: для римлян не напрасно
И ум, и сила предков нам дарована прекрасных,
Но горе нам! Завет отцов забыт, и мёртвых мы мертвей,
И нами управляют духи матерей;
А что же это наше иго?
И мы спектаклям женским подчинились терпеливо.

КАСКА

Однако завтра, так говорят сенаторы,
Готовят Цезаря царём быть, узурпатором,
И под его корону отойдут моря и земли дальние,
И все места под покровительством Италии.

КАССИЙ

Я знаю, мне зачем носить кинжал тогда,
И Кассий вырвет Кассия из этой вот неволи:
Эх, боги, отчего вы слабых тянете в верха;
И этим тиранию создаёте, эх вы, боги:
Не каменные башни и не медью сбитая стена,
Ни крепость из железных звеньев, ни бездушье подземелий,

Не сломят, и спасётся сильная душа;

Но жизнь мирская в строгих рамках, как оковы, скукой
одолеет,

И сил не хватит никаких, чтобы свободу ощутить.

Поэтому ту тиранию, что терплю,

Я с удовольствием стряхну.

Раскаты грома.

КАСКА

Я тоже так хочу;

И каждый раб в своих руках несёт

Ту силу, что от гнёта и спасёт.

КАССИЙ

И почему же Цезарь должен стать тираном?

Бедняга! Ведь ему не быть волком,

Но что он в римлянах узрел, ведь не баранов?

И он не лев, и римляне не лани для него.

Они же поспешат раздуть большое пламя,

Начав с соломинки, чтоб Рим трясло огнём;

Они же сплетни соберут, и дурно станет,

Что осветят все основные стороны его.

Такою вонью ужаснутся,

что Цезарь этот очень гнусный!

Но это уже скорбь, беда.

Куда так быстро, мысль, загнала ты меня?
Возможно, что за сказанны слова
Меня же превратить и захотят в раба.
Когда они узнают – то ответ держать заставят.
Но я вооружен – и все опасности мне нипочём.

КАСКА

Ты рассказал мне, Каске, точно другу,
Но это же не сказки. Возьми же мою руку.
Чтобы фактически искоренить беду,
Пойду я дальше, напрягая ног стопу.
Но только с тем, кто сможет дальше сам пойти.

КАССИЙ

Ну, вот и сделаны заделы, первые шаги.
Теперь ты, Каска, знаешь: я уже в пути.
И несколько из лучших римских граждан
Пройдут со мной отважно
Достоинно все опасности пути;
И я ручаюсь, что мне преданы они.
И под Помпеевским крылом:
Сейчас, и в этом ужасе ночном,
Когда на улицах нет и движения;
Всё будет складывается в единении.
И нам благоволит и, в деле верный,
Рукой ведёт кровавой ужас – он безмерный...

КАСКА

Постой, я слышу звук шагов, уж четкий.

КАССИЙ

То Цинна; я узнаю его по походке;
Он наш союзник ведь, сторонник.

Входит ЦИННА.

О, Цинна, и спешишь куда ты, как поклонник?

ЦИННА

Так это чтобы вас догнать.
А это кто? То Метелл Цимбер, не узнать?

КАССИЙ

То Каска; и он с нами заодно
За наше покушение.
И разве, Цинна, и не рад ты от того?

ЦИННА

Я рад, иль нет. Какая ночь – уж прямо устрашение!
Мы наблюдали раза два иль три её дурные проявления.

КАССИЙ

А разве я с тобой и не про это вот сейчас?

А ну-ка продолжай рассказ.

ЦИННА

О, да, и только лишь для вас!

О, Кассий, если б ты для победы смог

То ты и Брута благородного бы в партию привлёк.

КАССИЙ

Быть и тебе в том деле заодно:

О добрый Цинна, ты возьми письмо

И проследи, чтобы на кресло претора попало бы оно.

Чтоб Брут бы сам нашёл его; и сквозь окно

Пусть попадёт вот это; и ещё скрепи вот сургучом

На статуе для Брута-старшего: быть всё это должно,

Потом вернётесь под Помпея портик,

Тогда вы нас там и найдёте.

Похоже, Деций Брут, да, и Требоний

Сюда идут, и будут вскоре?

ЦИННА

Все, кроме Метелл Цимбера; а он ушёл,

И возле дома, говорили, видели его. Что хорошо,

Что буду я с тобой, и как можно побыстрее

Дайте бумаги те, которые отдать мне вы хотели.

КАССИЙ

Прошу вас сделайте скорее
И в театр возвращайтесь, в здание Помпея.

Уходит ЦИННА.

КАССИЙ

Пойдёмте, Каска, вы и я, нам нужно днём успеть
Увидеть Брута в доме: он на треть
Уже стал наш, а будет весь
Чуть позже, после предстоящих встреч.

КАСКА

Да, оценён высоко он во всех людских сердцах:
И то, что оскорбило бы народ при виде нас,
То его вид сочувствия, как высшая алхимия,
В достоинство и добродетель превращает без усилия.

КАССИЙ

Он – ценность, и огромная потребность всех нас в нём
Вы правильно всё поняли. Давайте же пойдём,
А то уж за полночь; а следующим днём
Мы убедим его – и вместе с ним мы будем заодно.

Уходят.

Акт Второй

Сцена 1. Рим. Фруктовый сад у Брута

Тут входит Брут.

БРУТ

Эй, Луций, где же ты, ау!

По небу звёздному я же не могу

Понять, когда мне ждать зарю.

Эй, Луций, я кому тут говорю!

Да, признаю мою вину,

Даю поспать, а спит он беспробудно.

Ну, где ты, Луций? Что ты спишь, беспутный!

Луций!

входит Луций

ЛУЦИЙ

Вы звали меня, мой милорд?

БРУТ

Зажги лампы, Луций, и неси мне в кабинет на стол

Когда зажжёшь,

Тогда и позовёшь.

Я буду здесь.

ЛУЦИЙ

Я понял, мой милорд.

Уходит

БРУТ

И это всё должно приблизить его смерть:

А лично из моих же убеждений,

Причин противиться его персоне нет,

Но только в главных направленьях.

Он будет всё же коронован:

Но вот вопрос; характером ли новым

Или чертой какой его природа наградит,

Иль яркий день гадюку породит;

С которой нужно осторожно обращаться?

Корона ведь ему на что? Ему даруем жало,

Чтобы оно опасность своеводем источало

Злое величие может проявиться —

Общественным слоям большим различием,

И это к власти отвращение, в целом.

Однако, правда, то, что Цезарь

В своей любви всегда был предан.

И чувства преобладали в нём

Над разумом не побольше, чем его резон.

Но это доказательство того,

Что скромность – в прошлой юности, ещё амбиций ждёт
подъём.

Когда ползут вверх, смотрят на ступени со смиреньем;

Но, достигая верха, там спиной встают к ступеням,

И, презирая под подошвой слой, глядят на облака,

И те, кто помогал, не будут уж нужны для Цезаря.

Тогда, быть может, стоит миг опередить. Не проявляясь
в ссоре.

Ведь это не изменит красок в роде,

кем он и так является по моде.

Поэтому и думать нужно про него,

Как про змеиное яйцо,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.